

К. В. Годунов

Празднование первой годовщины Октября и красный террор: легитимация революционного насилия

Легитимации насилия была одной из ключевых проблем Гражданской войны¹. Разные группы в большевистской партии, сторонники, противники, оппоненты и враги большевиков задавались вопросами, кто может использовать насилие, в каких случаях допустимо его применение, против кого оно может быть направлено.

Особенно отчетливо эти вопросы встали в ходе дискуссии о полномочиях Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (далее — ВЧК). В конце 1918 г. видные члены правящей партии Н. И. Бухарин, Л. Б. Каменев, М. С. Ольминский, К. Б. Радек, Д. Б. Рязанов выступили с различными проектами реорганизации ВЧК, чья деятельность, по их мнению, вышла из под контроля². В этой ситуации люди должны были выработать тактики легитимации или делегитимации террора, а в период подготовки празднования первой годовщины Октября указанная проблема приобретала особую остроту: актуализировался вопрос о соотношении террора и праздника, об уместности террора в дни актуализации памяти о революционном Октябре. Цель данной статьи — рассмотреть, как в это особое политическое время — время праздника — проявилось отношение к красному террору и к деятельности ВЧК. История празднования первой годовщины Октября дает возможность

**Годунов
Константин
Валерьевич**

канд. ист. наук, науч.
сотр., Европейский
университет
в Санкт-Петербурге
(Санкт-Петербург,
Россия)

сфокусировать внимание на том, как разные люди оценивали красный террор и как использовали праздник для лоббирования своих позиций.

О связях красного праздника и террора упоминают авторы важных работ по раннесоветской политической истории³, но специально этот сюжет не рассматривался.

Подход — анализ праздника в качестве политического ресурса, используемого разными силами, — определил и основной прием работы с источниками. В статье описывается, как террор легитимировался/делегитимировался в разнообразных текстах: в речах большевистских лидеров, в агитационных материалах, связанных с праздником, в различного уровня и характера дискуссиях, в оценках оппонентов правящей партии.

В праздничной резолюции, направленной в Совет народных комиссаров представителями комитета деревенской бедноты деревни Шимска Новгородского уезда, содержались призывы: «Проклятие и смерть тиранам, кровопийцам. Смерть белым и красным врагам свободы»⁴. Члены Спасопреображенского волостного исполкома Каргопольского уезда писали в праздничной резолюции: «[Да] здравствует диктатура пролетариата, да здравствует всеобщая мировая революция, красный террор империалистическим противникам революции»⁵. Составители резолюции призывали распространить практику террора и на врагов революции за рубежом. Авторы телеграммы, направленной от имени большевистской партии и Обоянского исполкома, приветствуя В. И. Ленина — «дорогого вождя», заканчивали телеграмму призывом «...да погибнут паразиты трудового народа всего мира»⁶. Поздравляя лидера большевиков с празднованием годовщины Октября, партийные активисты в разных частях страны писали о необходимости чрезвычайных мер по отношению к врагам революции, которых необходимо было не только победить в ходе военного противостояния, но и физически уничтожить. Описания необходимости насилия соединялись с проявлениями лояльности вождям и ожиданиями скорой победы мировой революции, верой в то, что тотальное уничтожение врагов приведет к быстрому достижению целей, декларируемых новыми элитами.

Эта важная черта праздника проявилась и в визуальном оформлении торжеств. Лозунги, которыми были украшены здание ВЧК на Лубянке и соседние дома, гласили: «Война и смерть классовым врагам пролетариата, мир всему миру пролетарской семьи», «Пролетариат — могильщик буржуазии»⁷. Комментируя визуальную репрезентацию Чрезвычайной комиссии в праздничные дни, корреспондент журнала «Вестник жизни» писал: «ВЧК, как добросовестный Цербер, грозит со стены возмездием за семь смертных грехов контрреволюции»⁸. Автор заметки использовал библейскую метафору, отсылая и к античному образу, ставшему именем нарицательным.

Особая эмоциональная атмосфера праздника становилась важным политическим ресурсом, который не могли не использовать разные силы. В частности, обсуждение празднования первой годовщины революции в Петрограде стало поводом для дискуссии о характере праздника, допустимости амнистии и масштабах террора. Дискуссия эта состоялась между Д. Б. Рязановым и Г. Е. Зиновьевым.

На заседании Петроградского совета 24 сентября 1918 г. Д. Б. Рязанов поднял вопрос об улучшении к празднику положения арестованных. Основной аргумент Рязанова заключался в том, что эта мера создаст эмоциональный настрой, необходимый для празднования годовщины революции: «...для того, чтобы этот праздник был проведен как праздник радости, как праздник, не омраченный ни одним пятнышком... необходимо приготовить соответствующую психологическую атмосферу»⁹. Рязанов полагал: «Только тогда, когда питерский пролетариат сможет с уверенностью сказать, что собрались под этим красным знаменем как в Смольном институте, так и во Дворце Труда»¹⁰, что на этом красном знамени нет ни одной капли невинной крови пролетариев и городской бедноты, только тогда с чистой совестью и с чистым сердцем мы можем праздновать перед лицом всего международного пролетариата этот праздник»¹¹. Докладчик отмечал: «...к сожалению, на этом красном знамени отложились капли невинной крови пролетариев и деревенской бедноты»¹². От террора, по его мнению, страдали те группы населения, от имени которых большевики проводили свою политику и для которых предназначалось готовящееся празднование.

Профсоюзный деятель предложил создать по примеру Москвы комиссию: «[Эта комиссия к празднику] поможет Чрезвычайной комиссии выпустить... невинных, бедных, больных, исстрадавшихся людей и облегчит муки страдания тех людей, которые топчутся около чрезвычайных, около предварительных, чтобы мы могли с чистым сердцем и совестью и энтузиазмом сказать, что 25 октября в наших тюрьмах томятся только действительно виновные, только те, по отношению [к которым] мы можем установить индивидуальную ответственность»¹³. Создание такой комиссии, полагал докладчик, даст «возможность с чистой совестью и гордостью поднять голову перед международным пролетариатом и праздновать день начала создания социалистической революции»¹⁴. Праздник Рязанов использовал в качестве важного информационного повода, стремясь своей речью приковать внимание к волновавшей его проблеме.

Современный исследователь, характеризуя политику революционного насилия, пишет: «Нельзя было быть большевиком и возражать против террора»¹⁵. И Рязанов — один из видных представителей умеренных большевиков — предложил не прекратить террор, а «помочь» Чрезвычайной комиссии ввести его в определенные пределы. Также он выступил за ограничение классового характера террора, призвал к установлению индивидуальной ответственности конкретных людей.

Предложение Рязанова вызвало резкую реакцию Г. Е. Зиновьева, который утверждал, что террор и праздник совместимы. Глава Петроградского совета апеллировал к различным революционным традициям: «Вы помните фразу старого коммунара, зятя Карла Маркса, Лафарга, который говорил, что мы, коммунары, слишком добрые ребята и что от этого терпят судьбы революции нашей. Нашу революцию если кто будет обвинять, только не в том, что она проявила слишком много строгости, а что была слишком мягкодушна и мягкосердечна»¹⁶. Идею о том, что масштабы красного террора недостаточны, председатель Петроградского совета подкреплял апелляцией к авторитету

основателя марксизма: «[Маркс] говорил, что вам надо расправиться, когда возьмете власть у буржуазии, расправиться по-плебейски. <...> В переводе на простой язык это значит расправиться в 70 раз острее, чем расправляемся мы»¹⁷. Мысль о том, что победа революции невозможна без террора, Зиновьев приписывал и Н. Г. Чернышевскому, который сказал: «История не есть асфальт Невского проспекта»¹⁸. «Маркс всегда был террористом в том смысле слова, как является сейчас Совет народных комиссаров во главе с Лениным»¹⁹, — напоминал Зиновьев, используя авторитет революционных вождей в качестве важного аргумента в споре.

«Кто желает делать историю, кто желает очистить наш грязный мир от буржуазии и ее прислужников, тот не может отказаться от террора, тот должен обнажить меч и тот не должен отложить его до той минуты, пока победа [не] будет обеспечена вполне»²⁰, — так описывал председатель Петроградского совета значение революционного насилия. В соответствии с этой логикой террор — не только необходимое средство победы в Гражданской войне, но и инструмент борьбы с главным врагом революции — буржуазией — в мировом масштабе. Этот аргумент был частью характерной для некоторых большевиков стратегии оправдания террора: насилие революционного государства — временная мера, направленная против врагов революции, — приведет к полному искоренению самого феномена насилия в будущем²¹. Как отмечает современный исследователь, глобальная цель подобной политики — «положить конец насилию, избавить человечество от страданий и создать новый мир и новых людей»²². Вера в это, по мнению некоторых сторонников мировой революции, давала моральное право осуществлять насилие, а сомневающиеся в его необходимости обвинялись в стремлении остановить революцию и помешать установлению нового мирового порядка. По мысли Зиновьева, красный террор имел моральные основания и потому он был совместим с празднованием годовщины Октября.

Суть революции Зиновьев описывал следующим образом: «Революция есть кровь, огонь, есть железо, и хорошо, что настала эта эпоха, хорошо, что мы с оружием в руках и грудь с грудью боремся со своими врагами, хорошо, что не живем больше в этой гнилой атмосфере учредилок — удавилок»²³. Зиновьев подчеркивал: «Конечно, можно выступать против массового террора. Либерал, меньшевик, правый эсер, буржуй должен выступить против него, но марксист никогда не будет выступать»²⁴. Корреспондент «Красной газеты» передал эту мысль Зиновьева так: «Лишь либералы, правые эсеры, буржуи против массового красного террора. Марксисты же признают этот священный террор»²⁵. В этом варианте речи председателя Петросовета критика оппонентов большевиков подкреплялась сакрализацией террора. Зиновьев использовал аргументы, нередко применяемые в межпартийных и внутривнутрипартийных дискуссиях: обвинения в «мещанстве», «мелкобуржуазном» отношении к террору, которые некоторые большевики адресовали представителям иных социалистических партий²⁶, переносилась на представителя умеренных большевиков.

Предложение улучшить положение арестованных было в резкой форме отвергнуто Зиновьевым: «Попытка товарища Рязанова хотя бы малейшей степени

отравить нам наш будущий праздник тем, что он повторяет сказки старых баб, что мы видим на красном знамени капли невинной крови — эти попытки не удадутся»²⁷. Корреспондент «Известий», кратко пересказавший суть полемики Рязанова и Зиновьева, приписывал последнему слова: «Все знают, что в чрезвычайную комиссию посланы наши лучшие силы»²⁸. В варианте речи, опубликованном на страницах «Северной коммуны», эта мысль передавалась еще более красноречиво: «Здесь не может быть брошено никакого упрека чрезвычайной комиссии, в которую мы посылаем наших лучших, наших святых людей, таких как тов. Дзержинский — этот апостол коммунизма. На эту работу мы отдаем все лучшее, что есть у рабочего класса»²⁹. Здесь Зиновьев пытался легитимировать террор путем его сакрализации, не считая необходимым создавать дополнительную структуру при ВЧК. Закончил свою речь Зиновьев следующим образом: «Мы будем идти дальше путем, который завещал великий наш учитель Маркс, который говорил: будьте террористами, расправляйтесь с вашими врагами по-плебейски и в день торжественной годовщины мы с высоко поднятой головой, в полном сознании того, что наше знамя чисто и что держим его высоко, мы отпразднуем рабочий праздник и предоставляем людям охочим говорить все, что угодно. Знамя наше не запятнано и никогда запятнано не будет. Да здравствует красный террор»³⁰. Корреспондент «Северной коммуны» так передал эмоциональную реакцию зала на подобное окончание речи: «Долго несмолкаемые аплодисменты всего зала, переходящие в овацию»³¹.

В дискуссии Рязанова и Зиновьева проявились не только и не столько различные представления о празднике — видные большевики по-разному представляли себе, кто является врагом революции, а кто — ее жертвами и какими методами революция может достичь полной победы. Оба политика описывали террор в контексте перспектив мировой революции. Если Рязанов полагал, что насилие ухудшит репутацию Советской России в глазах западных рабочих, то Зиновьев видел в терроре необходимое средство победы мировой революции. Лидер петроградских большевиков настаивал на том, что добиться перехода к новому этапу мировой истории можно лишь с помощью насилия. Террор он описывал как сакральный акт, используя по отношению к нему эпитет «священный», представители ЧК описывались как «святые люди», а Ф. Э. Дзержинский — как «апостол коммунизма». Сакральные метафоры придавали политической дискуссии особую остроту.

Позже, в разгар праздничных торжеств, о связи насилия и мировой революции говорили и другие видные большевики Петрограда. Так, 8 ноября председатель петроградского Революционного трибунала С. С. Зорин, рассуждая о церемонии открытия Дворца Труда как о «символическом акте», описывал цель этой акции следующим образом: «Мы этот Дворец Труда открываем для того, чтобы через короткое время в других странах были бы открыты подобные же дворцы труда»³². Обозначал он и условие, с помощью которого можно добиться этого: «...для того, чтобы из земли создать подлинный Дворец Труда, надо быть более решительным, более жестоким, зажечь огонь по всему миру»³³. Церемония открытия должна была стать символом для мирового пролетариата: «...смотрите, мы душим нашу буржуазию и поэтому открываем Дворец Труда,

душите же и вы вашу»³⁴. В ходе праздника Зорин публично выразил свою позицию в дискуссии о роли террора, описывая его как необходимое средство победы революции в мировом масштабе.

Возможности, которые предоставлял праздник для участия в дискуссии о значении красного террора, использовал В. И. Ленин. 7 ноября 1918 г. он посетил клуб ВЧК на Лубянке и произнес короткую речь на праздничном митинге-концерте. Показательно, что в день праздника лидер правящей партии счел необходимым выступить перед такой аудиторией, продуманный выбор времени и места для важного заявления придавал ему особое значение.

Ленин впервые публично обозначил свое отношение к критике ВЧК: «Дело, конечно, не в составе работников ЧК, а в характере деятельности их, где требуется решительность, быстрота, а главное — верность. Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие»³⁵. Признавая ошибки, допущенные членами чрезвычайных комиссий, Ленин призывал учитывать не только состав комиссий, но и характер их деятельности, пользу, которую эта деятельность приносит революции, и лояльность («верность») ЧК идеалам Октября.

Говоря о необходимости насилия по отношению к врагам революции, Ленин апеллировал к авторитету К. Маркса, выдвинувшего тезис о неизбежности диктатуры пролетариата, к памяти о Французской революции XIX в., к памяти об Октябре: «Мы знаем, как во Франции в 1848 г. расправлялись с пролетариями, и, когда нас упрекают в жестокости, мы недоумеваем, как люди забывают элементарнейший марксизм. Мы не забыли восстания юнкеров в Октябре, мы не должны забывать про ряд подготавливаемых восстаний. Нам приходится, с одной стороны, учиться творческой работе, а с другой — сломить сопротивление буржуазии»³⁶. Террор описывался лидером большевиков как ответ пролетариата классовым врагам, выступившим инициаторами насилия.

«В глубоких массах укрепилась мысль о необходимости диктатуры, несмотря на ее тяжесть и трудность. Вполне понятно примазывание к ЧК чуждых элементов. Самокритикой мы их отшибем. Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неопределима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом»³⁷, — так Ленин подвел итоги деятельности Чрезвычайной комиссии за время революции. В иной редакции его речи эта мысль была передана еще более красноречиво: «...поскольку в массах укрепилась идея власти рабочих и беднейших крестьян, постольку же и укрепилась мысль о необходимости железной диктатуры. ВЧК и ее отделения являются таким органом, органом непосредственного уничтожения сопротивления наших врагов, и в этом отношении ее роль неопределима. Иного пути к освобождению трудящихся масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, нет, и ВЧК в этом отношении выпало на долю осуществлять последнее»³⁸.

Рассуждая о насилии как о необходимой составляющей борьбы за освобождение пролетариата, председатель Совнаркома обозначал свою позицию в дискуссии и укреплял собственный статус (в интересах Ленина было

сохранение контроля за действиями ВЧК исключительно за Совнаркомом). Эту задачу ему отчасти удалось решить: после праздничной речи лидера большевиков количество критических по отношению к ВЧК публикаций в прессе сократилось³⁹.

Сопоставляя речь Ленина с речью Зиновьева, важно отметить, что легитимация террора была для них средством укрепления политического влияния: председатель Совнаркома стремился сохранить за собой контроль над ВЧК, Зиновьев являлся одним из наиболее активных лоббистов террора⁴⁰. Оба политика апеллировали к авторитету революционных предшественников большевиков (прежде всего, к памяти об основателях марксизма, к образам французских коммунаров). Объединяло видных большевиков и использование антибуржуазной риторики — «буржуазия» была для них олицетворением врага, которого необходимо уничтожить⁴¹. Однако если эмоциональная речь Зиновьева была наполнена сакральными образами, то Ленин стремился привести прагматичные и рациональные аргументы для защиты ВЧК от критики. Для легитимации террора политики использовали различные диалекты формирующегося советского политического языка.

О значении красного террора в праздничной речи к «учащейся молодежи» рассуждал А. В. Луначарский. Как и Ленин и Зиновьев, Луначарский использовал историческую аргументацию, апеллируя к традиции Французской революции XVIII в.: «Революция Октябрьская защищает страну от террора; если ей и приходится проливать при этом кровь, то вспомним, товарищи, слова великого предшественника нашего Марата. Когда его называли кровожадным зверем за то, что он требовал падения 500 контрреволюционных голов, он отвечал: “Я добр, я человеколюбив, и этой жертвой я хочу спасти десятки тысяч тружеников, которые в противном случае падут жертвами зверского белого террора”»⁴². Актуализируя память о якобинцах, Луначарский стремился показать, что террор — явление, присущее не только российской революции, а большевики — продолжатели великих революционных традиций. Это должно было подкрепить и идею о том, что насилие неизбежно и необходимо для победы революции.

Не только представители различных групп большевистской партии использовали праздник для лоббирования идеи об усилении или ограничении террора, он стал ресурсом и для критиков, противников и открытых врагов большевиков.

Не могли не высказать отношения к террору и левые оппоненты большевиков. Считая годовщину Октября и своим праздником, представители Северного областного и Петроградского комитетов партии левых социалистов-революционеров жестко критиковали политический курс большевиков. Среди праздничных лозунгов, предлагаемых ими, были и следующие: «Свободу всем безвинно томящимся в застенках революционным рабочим, крестьянам и морякам!», «Свободу Марии Спиридоновой, вождю рабоче-крестьянской революции!»⁴³. В другой листовке, приуроченной к празднику, петроградские левые эсеры призывали к подавлению той силы, которую они считали угрозой революции, — один из предлагаемых ими лозунгов гласил: «Террор импери-

алистам!»⁴⁴. К легитимации революционного насилия стремились не только большевики, но и их бывшие союзники по коалиции, преследовавшиеся правящей партией⁴⁵.

Вместе с тем образы героев революции (в том числе эсеров) не могли не использовать организаторы празднований. В Москве был установлен памятник убийце великого князя Сергея Александровича И. П. Каляеву⁴⁶, а в Петрозаводске обсуждалась идея установки памятника А. М. Кузьмину, казненному в 1908 г. за покушение на петербургского чиновника. 7 ноября 1918 г. в честь Кузьмина переименовали одну из улиц Петрозаводска⁴⁷. Представление о том, что насилие — необходимая часть борьбы с врагами революции, пронизывало субкультуру революционного подполья, традиция героизации, легитимации и даже сакрализации террора была важна и для большевиков, и для их противников-социалистов⁴⁸.

Иную оценку террора и праздника высказал патриарх Тихон. Глава Российской православной церкви закончил обращение к Совету народных комиссаров, приуроченное им к годовщине Октября, следующим призывом: «Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних и истребление невинных, простираем мы наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк 11:50–51) и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф 26:52)»⁴⁹. Это послание обострило взаимоотношения властей и патриарха, в конце ноября он был взят под домашний арест⁵⁰. Стремясь облегчить положение арестованных, глава церкви использовал потенциал важной для властей памятной даты и тем самым подчеркивал ее особое значение, укреплял ее статус и косвенно способствовал складыванию годового политического цикла, создававшегося и развивавшегося большевиками.

Дискуссия о терроре имела последствия: в ходе празднования была организована и проведена одна из первых в советской истории полномасштабных амнистий. Председатель Московского совета Л. Б. Каменев заявил на VI съезде: «Мы ни на минуту не можем останавливать борьбу. Мы знаем, что на нас лежит ответственность не только за российскую, но и за мировую революцию. Если мы будем достаточно сильны в борьбе с контрреволюцией, то мы достигнем того, что, действительно, поразим сердце наших врагов; если мы будем сентиментальными, то грех наш перед мировой революцией будет несмываем»⁵¹. С его точки зрения, по истечении прошедшего с момента революции года рабоче-крестьянская власть оказалась «упрочена и закреплена». «Рука пролетариата жестока в борьбе с врагом, который поднимает оружие для борьбы против нас, и милостива к тем врагам, которые готовы подчиниться его власти»⁵². В связи с этим Каменев предложил освободить тех лиц, которым не было предъявлено обвинение в контрреволюционных действиях в течение двух недель со дня ареста, а также заложников (кроме тех, чей арест выступал в качестве гарантии безопасности «товарищей, попавших в руки врагов»). Контроль

за исполнением принятой резолюции возлагался на ВЦИК и исполнительные комитеты на местах. По оценке Э. Карра, «резолюции VI Всероссийского съезда Советов — первые в ряду искренних, хотя в конечном счете безуспешных, попыток ограничить произвол органов безопасности республики и заставить их действовать в пределах законности»⁵³.

Трудно судить о том, как постановление об амнистии воплощалось в жизнь на практике. Вспоминая о своем пребывании в Великоустюжской тюрьме, П. А. Сорокин писал: «[Накануне праздника] “красные попы” принесли своему ненасытному богу небывалые человеческие жертвы. Двенадцать казненных сразу. Теперь, сказали нам, три дня никого не будут казнить. В официальной газете это представлено как “амнистия”. <...> мы все получили три лишних дня жизни, пока чудовище будет переваривать мясо последних жертв. Возможно, через три дня оно так проголодается, что потребует дополнительного питания»⁵⁴. Обстоятельства пребывания П. А. Сорокина в тюрьме требуют исследования⁵⁵, а свидетельство противника большевиков, вышедшее в свет спустя полвека после описываемых событий, — критического прочтения. Важно обратить внимание на то, какой язык использовал автор мемуаров для описания логики организаторов террора и праздничной амнистии: террор «красных попов» становился сакральным актом принесения жертв в честь «ненасытного бога», под которым П. А. Сорокин подразумевал революцию⁵⁶.

В акте Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем Вооруженными силами юга России говорилось о том, что организаторы красного террора в Пятигорске «Атарбеков, Стельмахович, Кравец и Ге, по-своему понявшие призыв встретить приближавшуюся годовщину Октябрьской социалистической революции достойным для граждан таковой образом, при деятельном соучастии некоторых других “товарищей”, внимая жестоким указаниям, идущим из Москвы, принесли столь богатую кровавую жертву злему духу большевизма»⁵⁷. Противники большевиков сравнивали красный террор с языческими жертвоприношениями, приуроченными к празднованию годовщины Октября, не только постфактум, но и в ходе Гражданской войны. Усиление террора в предпраздничные дни противники большевиков описывали как акт принесения жертв в честь праздника революции.

И. С. Ратьковский, рассматривая ноябрьскую амнистию 1918 г. как успех оппонентов ВЧК, указывает и на ее ограниченный характер: «Амнистированные 6 ноября 1918 г. заложники освобождались не сразу, а распоряжения центра и местных исполкомов игнорировались»⁵⁸. В Государственном архиве РФ отложились письма из различных городов в специальную комиссию с вопросами о том, как технически должны осуществляться амнистии, приуроченные к третьей и четвертой годовщинам Октября⁵⁹. Это свидетельствует о том, что механизм амнистирования к праздничным датам не был достаточно четко отработан и в последующие годы.

Исследование первой годовщины Октября в качестве особого политического времени позволило изучить различные тактики легитимации красного террора. Анализ того, как были связаны красный террор и праздник и какое

воздействие праздник оказал на политику террора, позволяет глубже понять и особенности конкретной политической ситуации осени 1918 г., и некоторые черты политической культуры Гражданской войны, в частности культуры насилия, в поле влияния которой находились и большевики, и их политические оппоненты и враги.

¹ О роли насилия в российской революции и Гражданской войне см.: *Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

² См. об этом: *Новоселов Д. С.* Кризис ВЧК в конце 1918 — начале 1919 годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 66–77; *Ратьковский И. С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 210–234.

³ См., напр.: *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2008. С. 500–501; *Ратьковский И. С.* Красный террор... С. 182–184.

⁴ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 63. Оп. 1. Д. 62. Л. 50.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 130. Оп. 2. Д. 468. Л. 25.

⁶ Там же. Л. 102.

⁷ Всероссийская Чрезвычайная комиссия в дни праздника // Год пролетарской революции. 1918. 9 нояб.

⁸ *Барабанов Н.* Картины октябрьских празднеств // Вестник жизни. 1919. № 3–4. С. 118.

⁹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 3.

¹⁰ Дворец Труда — бывшее здание Ксениинского института, после революции перешедшее в ведение профсоюзов. Открытие здания было приурочено к празднованию годовщины Октября.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 3–4.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Слезкин Ю. Л.* Дом правительства. Сага о русской революции. М., 2019. С. 161.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ Там же. — Цитата искажена Зиновьевым или неточно застенографирована. Чернышевский писал: «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта» (*Чернышевский Н. Г.* Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов Г. К. Кэри // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 7. М., 1950. С. 923).

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 5.

²⁰ Там же.

²¹ См. подробнее: *Ryan J.* The Sacralization of Violence: Bolshevik Justifications for Violence and Terror during the Civil War // *Slavic Review*. 2015 (Winter). No. 4. P. 822.

²² *Стейнберг М.* Великая русская революция, 1905–1921. М., 2018. С. 160.

²³ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 5.

²⁴ Там же.

²⁵ Отповедь тов. Зиновьева // Красная газета. Вечерний выпуск. 1918. 25 сент.

²⁶ См. подробнее: *Ryan J.* The Sacralization of Violence. P. 817.

²⁷ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 5.

²⁸ Заседание Петроградского совета (От собственного корреспондента) // Известия. 1918. 26 сент.

²⁹ Расширенное заседание Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов // Северная коммуна. 1918. 25 сент.

- ³⁰ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 6.
- ³¹ Расширенное заседание Петроградского совета...
- ³² ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 17. Л. 45.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Ленин В. И.* Речь на митинге-концерте сотрудников Всероссийской чрезвычайной комиссии 7 ноября 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 37. М., 1969. С. 173.
- ³⁶ Там же. С. 174.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Речь В. И. Ленина, произнесенная в клубе ВЧК в первую годовщину Октябрьской революции. 7 ноября 1918 г. // Архив ВЧК. М., 2007. С. 93.
- ³⁹ См. об этом: *Новоселов Д. С.* Кризис ВЧК в конце 1918 — начале 1919 годов. С. 70.
- ⁴⁰ См. подробнее: *Ратковский И. С.* Г. Е. Зиновьев и Петроградская ЧК в 1918 г. // Новейшая история России: время, события, люди: сб. статей и воспоминаний (к 75-летию почетного профессора СПбГУ Г. Л. Соболева). СПб., 2010. С. 155–169.
- ⁴¹ О значении антибуржуазного сознания, объединяющего представителей различных политических сил, см.: *Колоницкий Б. И.* Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуазское» сознание // Отечественная история. 1994. № 1. С. 17–27.
- ⁴² Обращение народного комиссара просвещения А. В. Луначарского к учащейся молодежи в связи с празднованием I годовщины Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории. 1967. № 10. С. 149–150.
- ⁴³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 459. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
- ⁴⁴ Там же. Л. 2.
- ⁴⁵ Подробнее о том, как левые партии использовали ресурс первых празднований советской эпохи, см.: *Годунов К. В.* Левые оппоненты большевиков и революционные празднования 1918 года // Российская история. 2016. № 5. С. 184–195.
- ⁴⁶ См. об этом: *Stites R.* The Origins of Soviet Ritual Style: Symbol and Festival in the Russian Revolution // Symbols of Power: the Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe. Stockholm, 1987. P. 34.
- ⁴⁷ Идея памятника А. М. Кузьмину возникла на февральском этапе революции, получила развитие после Октября и была воплощена в жизнь в сталинскую эпоху. Подробнее см.: *Годунов К. В., Волохова В. В.* Локальный культ революционного героя: память о террористе А. М. Кузьмине в Петрозаводске // Ученые записки Петрозаводского университета. 2018. № 7. С. 54–62.
- ⁴⁸ О связи террора с этой субкультурой см.: *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven; London, 1999. P. 182–186.
- ⁴⁹ Обращение Святейшего патриарха Тихона к Совету народных комиссаров в связи с первой годовщиной Октябрьской революции // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. Позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: сб.: в 2 ч. / сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 151.
- ⁵⁰ См. об этом: *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь в XX в. М., 2010. С. 84.
- ⁵¹ Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов: стенографический отчет. М., 1919. С. 37.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ *Карр Э.* История Советской России. Большевицкая революция. Кн. 1: 1917–1923. М., 1990. С. 147.
- ⁵⁴ *Сорокин П. А.* Дальняя дорога: автобиография. М., 1992. С. 122.
- ⁵⁵ Комментаторы отмечают: «Все, что пишет Сорокин об истории своего ареста и т. д., мягко говоря, не совсем правдиво» (Там же. С. 285).
- ⁵⁶ В другом месте своей автобиографии П. А. Сорокин писал: «...революция — наше божество. <...> А божеству вопросов не задают» (Там же. С. 117).
- ⁵⁷ Акт расследования по делу об аресте и убийстве заложников в Пятигорске в октябре 1918 года // Красный террор в годы Гражданской войны / под ред. Ю. Г. Фельштинского. М., 2004. С. 64–65.

⁵⁸ Ратьковский И. С. Красный террор... С. 227.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 45.

Статья поступила в редакцию 8 февраля 2020 г.

Рекомендована в печать 4 сентября 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Годунов К. В. Празднование первой годовщины Октября и красный террор: легитимация революционного насилия // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 976–988. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.410>
УДК 94(47).084.3

Аннотация: Автор рассматривает, как в особое политическое время — время празднования первой годовщины революционного Октября — проявилось отношение к красному террору и к деятельности ВЧК. На основании изучения речей большевистских лидеров, агитационных материалов, связанных с праздником, различного уровня дискуссий, характеристик, которые давали празднику оппоненты и враги правящей партии, автор демонстрирует, какие аргументы использовались для легитимации или дегитимации красного террора. Анализируется дискуссия Д. Б. Рязанова и Г. Е. Зиновьева о соотношении террора и праздника, характеризуется позиция В. И. Ленина и иных видных большевиков, использовавших ресурс праздника для участия в дискуссии о полномочиях ВЧК, описываются позиции оппонентов большевиков. Обрисовано значение одной из первых в советской истории политических амнистий, приуроченных к празднованию революционного Октября. Видные большевики по-разному воспринимали роль террора в революции: если В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев в борьбе за укрепление своего влияния говорили о необходимости углубления террора, то Д. Б. Рязанов настаивал на том, что масштабы репрессивной политики должны быть ограничены, а Л. Б. Каменев лоббировал проведение амнистии. Все они использовали ресурс празднования первой годовщины Октября для проведения в жизнь своих проектов. Исследование связей красного террора и праздника позволяет глубже понять и особенности политической ситуации осени 1918 г., и некоторые характерные черты политической культуры Гражданской войны, в частности культуры насилия, в поле влияния которой находились и большевики, и их политические оппоненты и враги.

Ключевые слова: Гражданская война, советские праздники, красный террор, политическая культура, конфликт.

Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого в Европейском университете в Санкт-Петербурге при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369 («Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны»).

Сведения об авторе: Годунов К. В. — канд. ист. наук, науч. сотр., Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия); kostyagodunov@yandex.ru

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

FOR CITATION

Godunov K. V. 'The Celebration of the First Anniversary of the October Revolution and the Red Terror: Legitimizing of Revolutionary Violence', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, 2020, pp. 976–988. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.410> (In Russian)

Abstract: The author explores how attitudes toward the Red Terror and activities of the Cheka were manifested during celebrations of the first anniversary of the October Revolution. Based on a study of speeches by Bolshevik leaders, propaganda materials related to the festival, discussions at various levels, and characteristics about the holiday provided by opponents and enemies of the ruling party, the author demonstrates what arguments were

used for legitimation and delegitimation of the Red Terror. The author analyzes the discussion by D. B. Ryazanov and G. E. Zinoviev on the correlation of terror and the holiday; characterizes the position of V. I. Lenin and other prominent Bolsheviks who used the holiday as a resource to discuss the powers of the Cheka; and describes positions of opponents to the Bolsheviks. The significance of one of the first political amnesties in Soviet history, dedicated to the celebration of the October Revolution, is described. Prominent Bolsheviks perceived the role of terror in the revolution in different ways: if V. I. Lenin and G. E. Zinoviev, in the struggle to strengthen their influence, were insistent on the need to deepen terror, D. B. Ryazanov insisted that the scope of repressive politics should be limited, and L. B. Kamenev lobbied for amnesties. All of them used the celebration of the first anniversary of October to implement their projects. Research on the linkage between the Red Terror and the holiday provide insights into the specifics of the political situation in the autumn of 1918.

Keywords: Civil war, Soviet festivals, Red Terror, political culture, conflict.

This article was prepared in the framework of a research conducted at the European University in Saint Petersburg with the financial support of the Russian Science Foundation (RSCF), project no. 20-18-00369 ("The processes of legitimization of violence: conflict cultures in Russia and the escalation of Civil war").

Author: *Godunov K. V.* — PhD in History, Research Assistant, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia); kostyagodunov@yandex.ru

European University at St. Petersburg, 6/1A, ul. Gagarinskaya, St. Petersburg, 191187, Russia

References:

- Buldakov V. P. *Red Smuta: Essence and consequences of revolutionary violence* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Carr E. *A History of Soviet Russia. The Bolshevik Revolution*, vol. 1: 1917–1923 (Moscow, 1990). (Rus. ed.)
- Figes O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917* (New Haven; London, 1999).
- Godunov K. V. 'Opponents to Bolsheviks from the left and revolutionary festivals of 1918', *Rossiiskaia istoriia*, no. 5, 2016. (In Russian)
- Godunov K. V., Volokhova V. V. 'Local cult of a revolutionary hero: memory of terrorist A. M. Kuzmin in Petrozavodsk', *Uchenye zapiski Petrozavodskogo universiteta*, no. 7, 2018. (In Russian). <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.230>.
- Kolonitskii B. I. 'Antibourgeois Propaganda and "Antiburzhui" Consciousness', *Otechestvennaia istoriia*, no. 1, 1994. (In Russian)
- Novoselov D. S. 'Crisis of the Cheka in late 1918 — early 1919', *Otechestvennaia istoriia*, no. 6, 2005. (In Russian)
- Rabinovich A. *The Bolsheviks in Power. The First Year of the Soviet Rule in Petrograd* (Moscow, 2008). (Rus. ed.)
- Ratkovsky I. S. 'G. E. Zinoviev and the Petrograd Cheka in 1918', *Noveishaia istoriia Rossii: vremia, sobytia, liudi: sb. statei i vospominanii* (St. Petersburg, 2010). (In Russian)
- Ratkovsky I. S. *Red terror and the activities of the Cheka in 1918* (St. Petersburg, 2006). (In Russian)
- Ryan J. 'The Sacralization of Violence: Bolshevik Justifications for Violence and Terror during the Civil War', *Slavic Review*, no. 4, 2015. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.74.4.808>.
- Shkarovsky M. V. *Russian Orthodox Church in the 20th century* (Moscow, 2010). (In Russian)
- Slezkine Yu. *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution* (Moscow, 2019). (In Russian)
- Sorokin P. A. *Long journey. The Autobiography* (Moscow, 1992). (Rus. ed.)
- Steinberg M. *The Great Russian revolution, 1905–1921* (Moscow, 2018). (Rus. ed.)
- Stites R. 'The Origins of Soviet Ritual Style: Symbol and Festival in the Russian Revolution', *Symbols of Power: the Esthetics of Political Legitimation in the Soviet Union and Eastern Europe* (Stockholm, 1987).

Received: February 8, 2020

Accepted: September 4, 2020